

Тайна науки.

(1913).

I.

Одну за другою человечество вырывает у природы ее тайны: от победы к победе идет наука — объединенный, организованный опыт человечества. Но в самых ее победах скрыта новая тайна, и может быть наиболее грандиозная. Мы не замечаем ее: наше мышление слишком привыкло к ней, постоянно ею окруженное, как воздухом окружено наше тело. Требуется огромное усилие, чтобы отрешиться от этой привычки. Надо «наивными глазами» взглянуть на чудеса науки — как будто мы еще не видали их, и тогда мы заметим, что они гораздо больше, чем мы думали.

Вот астроном делает вычисление, и находит, что в такой-то день и час, в таких-то местностях будет наблюдаться полное солнечное затмение. Снаряжаются научные экспедиции... Предсказание исполняется. — Что в этом особенного? Делались вещи гораздо более замечательные в той же астрономии, как и в других областях науки. Но постараемся представить себе отчетливо смысл и объем факта.

В бесконечном, безжизненном пространстве эфира движутся исполинские тела. Их размеры, расстояния, скорости превосходят всякое человеческое воображение. Вся жизнь, которую мы знаем, тончайший слой плесени на поверхности одного из таких тел — планеты «Земля», — из числа наименьших между ними. Силы, несоизмеримые с нашими силами; периоды развития, несоизмеримые с временем нашего опыта... Это — один ряд событий.

Мысли проходят, ассоциативно сцепляясь, в сознании астронома, недоступные ничьему объективному наблюдению, никакому постороннему контролю, как если бы они были вне пространства и вне действия физических сил... Это — другой ряд событий.

Движение руки при посредстве пишущего орудия обусловливается на листе бумаги, лежащей перед астрономом, цепь комбинаций и черточек и точек. Третий ряд.

Что общего между тремя рядами явлений? Их элементы настолько различны, насколько возможно различие во вселенной, количественное и качественное: астрономические тела, образы сознания, черные значки. Их связи разнородны также в наибольшей возможной степени: там—ньютоновское тяготение, тут—психическая ассоциация, здесь—соседство и последовательность рисования на поверхности бумаги. Как может что-либо получиться из сочетания этих трех рядов, несоизмеримых и несравнимых? Мы осмеемся бы над человеком, который соединил бы вместе булавник, мечту и телеграфный сигнал. Но перед ними комбинация того же типа и характера; а в ее результате—одно из обыкновенных чудес науки, и точное предвидение факта в близком или далеком будущем.

Тайна природы побеждена; но на сцену выступает тайна самой победы—тайна науки...

II.

Это не тот вопрос, который ставят и глубокомысленно разрешают гносеологи-специалисты: «как возможно познание?» Дело идет вовсе не только о познании: тайна науки была еще раньше тайною всей человеческой практики. Всякий «труд», т. е. сознательно-целесообразная деятельность, необходимо включает в себя момент предвидения; а всякое предвидение, даже самое обыкновенное, элементарное, как и самое сложное, научное, основано на соотношении между рядами событий, наиболее разнородными, какие только доступны опыту.

В почве происходят бесчисленные химические и органические процессы: растворения, окисления, разложения, брожения, размножения живых клеток, и т. д.; ряд стихийно-физический.—В познании крестьянина проходят ассоциации восприятий образов, воспоминаний, эмоций, стремлений: ряд психический.—В организме крестьянина протекают последовательные цепи мускульных сокращений, образующих его «работу»: ряд физиологический... И вот,

все эти «несоизмеримые» образуют вместе одно живое, разумное целое, одну из величайших побед человечества над природою: земледелие.

Философия подошла к загадке, но не охватила ее объема, пошла ее лишь частично, как задачу «теории познания». Этим была исключена возможность действительного, принципиального разрешения вопроса: все попытки обречены были остаться в области спорного, ненадежного; той объективной убедительности, которая свойственна выводам наук, здесь нет, и быть не может.

Около 75 лет тому назад Маркс, в критических замечаниях по поводу Фейербаха, написал:

«Философы хотели так или иначе объяснить мир; по сути дела в том, чтобы изменять его».

Эти слова заключают в себе не только критику всей домарксовской философии, и притом приложимую также почти ко всей философии позднейшей: они, кроме того, намечают программу, указывают направление работы, которая должна сделать то, что непосильно для философии. Но ни критика, ни программа обычно не понимаются до сих пор; пророческая идея не получила развития и осуществления.

Правда, в своей сжатой форме она была выражена не вполне ясно. Нелепо было бы, разумеется, понимать мысль Маркса так, что он приглашал не познавать, не исследовать мир, а прямо практически воздействовать на него: вся деятельность великого мыслителя была бы опровержением этого. Другие примечания о Фейербахе несколько поясняют мысль; напр., в первом из них Маркс упрекал материализм за «созерцательную» точку зрения на действительность, и противопоставлял ей точку зрения «конкретно-практическую». Следовательно, он требовал, чтобы миропонимание было активным, чтобы в своей основе оно было теорией практики, а не «теорией познания», и вообще не «миросозерцанием».

Сам Маркс выполнил эту задачу в одной важнейшей области нашего опыта: в его руках социальная наука стала, на самом деле, теорией трудовой и социально-боевой практики; и вместе с тем она впервые сделалась наукою, а не только «философией» общественной жизни. Такое же преобразование надо было выполнить по всей линии опыта. Этого нет и до сих пор.

Тайна науки может быть раскрыта лишь на том же самом пути; ибо она существовала и до самой науки, как тайна человеческой практики.

III.

Нам приходится поставить вопрос о человеческой практике в общем в целом. Чтобы исследовать ее в таком масштабе, надо всю ее чему-нибудь противопоставить, всю ее с чем-нибудь сравнивать. Чему же она реально противостоит? Мы знаем эти процессы природы. Одна сторона представляет активности сознательно-целесообразные, другая—стихийные; так обе они взаимно определяются и ограничиваются.

Но недостаточно установить различие: исследование достигает своих целей только в обобщении, в выяснении сходств; а без этого и пределы различий и их значение остаются неизвестными. Существуют ли сходства между человеческой практикой и стихийными процессами? Несомненно, да.

Человек, в своей сознательности, часто воспроизводит то, что делает природа в своей стихийности: пользуется методами, подобными ее методам, создает комбинации, сходные с ее формами. Чаще всего такие совпадения объясняются подражанием человека природе; в историях культуры приводится масса примеров этого подражания.

Однако, если мы оставим в стороне попытки искусства воспроизводить внешние формы некоторых объектов и процессов природы, а будем иметь в виду самые приемы и способы человеческой деятельности, то вопрос о «подражании» оказывается неожиданно сложным. Рассмотрим несколько примеров.

Метод паруса уже несколько тысячелетий применяется людьми для передвижения. Еще гораздо раньше он служил для перемещения и распространения семян некоторых растений; а также он играл роль в устройстве двигательного аппарата таких животных, как, напр., белка-летяга, и затем, в более развитой форме,—у летающих животных, птиц, насекомых и пр. Было ли тут со стороны человека «подражание»? Если и да, то совершенно иного рода, чем то прямое, более или менее сознательное подражание, которое обычно подразумевается под этим термином. Надо пред-

положить огромную способность сравнения; обобщения и отвлечения у древних дикарей, чтобы допустить, что они начали устраивать паруса на своих плотах и лодках, руководствуясь образцами паруса в природе; в е с ш н е е сходство здесь и там слишком малое. Но мы знаем, что первобытное мышление непосредственно, конкретно, чуждо отвлечения; его подражательность стихийна и примитивна; она исходит лишь из очевидного, внешнего в явлениях.

Природа для защиты пластичных живых тканей, жидких и полужидких, пользуется методом «наружного скелета»: раковина улиток, хитинная оболочка насекомых, кожа у позвоночных, череп для их нежного мозга, и т. п. Тот же, по существу, метод применяют люди, когда делают разные сосуды, посуду, ящики и пр. Но опять-таки принять здесь наивное, непосредственное подражание слишком трудно.

Взятые примеры еще могут оставлять сомнение. Есть другие случаи, где для него уже нет места. Таков, хотя бы, «принцип рычага». В нашей технике его применение колоссально: вся практическая механика, от элементарной до сложнейшей машинной, пользуется им буквально на каждом шагу. Однако, его применение в природе еще более широко; он лежит в основе анатомии органов движения у человека и у других животных: скелет, внутренний или наружный, с его отдельными частями и их соединениями. С уверенностью можно признать, что эта анатомия не была моделью для подражания людей, когда они впервые начали пользоваться принципом рычага: в те времена они вовсе не настолько ее знали и понимали.

Искусственный подбор в технике разведения домашних животных и культурных растений является способом получения новых пород и разновидностей. Подражание ли это естественному подбору, образующему виды в природе? Конечно, нет: естественный подбор действует так медленно, что люди не могли наблюдать его роли в развитии жизни; и он был открыт теоретически.

Итак, несомненно, что в иных случаях—и разумеется, их гораздо больше, чем здесь приведено,—приемы человеческой практики совпадают с методами творчества природы помимо всякого подражания: люди «самостоятельно» приходили к этим приемам. Сознательность, идя своими путями, повторяет стихийность.

Старая философия дает готовое объяснение таким фактам: человек сам—часть природы, и потому нет ничего удивительного, что он повторяет ее. Объяснение вполне допустимое. Но в нем скрыто принимается та предпосылка, что самой природе свойственно повторять себя, даже на столь далеких один от другого ее полюсах, как сознательное и стихийное. Это приводит нас к наиболее общему вопросу—о совпадениях в природе.

IV.

Нас несколько не удивляет повторение форм, когда они происходят одна от другой или от определенного общего начала. Сходство родителей и детей, сходство человека и orang-утанга, общий тип строения млекопитающих, и т. д., понятны нам, потому что в этих случаях повторение сводится для нас к простому продолжению того, что уже имелось раньше. Но есть много рода совпадения, которые далеко не так просты, а становятся тем более загадочны, чем более в них задумываться,—совпадения независимо возникших форм.

Сравним общества людей и общества муравьев. Общие предки тех и других были, несомненно, животные весьма низкого типа, вроде каких-нибудь из нынешних червей, существа не социальные, лишенные всякой техники и всякой экономики. Между тем, в технике у людей и у муравьев мы встречаем скотоводство, причем в чрезвычайно сходных формах: муравьи содержат и эксплуатируют определенные породы травяных тлей, выделяющих сладкий сок, наподобие того, как люди разводят молочный скот; у других муравьев есть и зародыши земледелия. Устройство муравьиных в целом централистическое, аналогичное многим социальным системам у людей.—Предполагать какое-либо «подражание» между людьми и муравьями, разумеется, невозможно.

Способы размножения у растений и у животных развивались по одним и тем же линиям, от бесполого к гермафродитному и раздельно-половому. В своих высших формах они представляют идею, и там огромные аналогии, простирающиеся даже на сложную архитектуру аппаратов для полового размножения: так, план строения женских половых органов представляет величайший параллелизм с планом строения цветка. Но у общих предков ни

животного и растительного царства, простейших одноклеточных да-
же геологической эпохи, ничего подобного этим сложным мето-
дам и формам не могло быть. Там могла существовать лишь при-
митивная «копуляция», какая теперь наблюдается у одноклеточ-
ных организмов: простое слияние пары недифференцированных
или минимально дифференцированных клеток. — Природа поль-
зуется половым размножением, как способом выработки новых
сочетаний жизненных свойств; и, развивая его независимо в двух
царствах жизни, она приходит к повторению одних и тех же схем.

Пример сравнительно частный из той же области: строение
зерпа и яйца. В основе оно одинаково: зародыш, окруженный
питательными слоями, затем—защитительная оболочка. Сами пи-
тательные слои большей частью аналогичны по составу: один
с преобладанием азотистых, другой—безазотистых веществ, разу-
меется, различных в том и другом случае; различно бывает и рас-
положение этих слоев.

Крыло пчелы и крыло насекомого не имеют ничего общего по
своему происхождению, но совпадают по своей механике. Подоб-
ных совпадений сравнительная анатомия знает массу. Они об-
ясняются тем, что «сходные функции создают сходные органы».
Но для занимающего нас вопроса из этого следует только то, что
природа повторяет себя и в функциях и в органах.

Наиболее поразительное из таких повторений—это устройство
глаза у высших моллюсков и высших позвоночных, напр., у спрута
и у человека. Этот орган состоит из массы частей, с различней-
шими функциями, неизмеримой сложности и тонкости. Его устрой-
ство у человека и спрута сходно почти до малейших деталей; но
об единстве происхождения не может быть и речи: общие предки
позвоночных и моллюсков ничего подобного этому аппарату не
имели,—самое большее, у них были местные скопления пигмента
в наружных слоях тела, для простого поглощения лучистой энер-
гии; а глаз, не говоря уже об его физиологии, даже с чисто опти-
ческой стороны представляет сочетание камеры-обскуры, угломер-
ных и дальномерных приборов огромной чувствительности.

Область жизни дает самые сложные и самые яркие примеры
подобных совпадений, но они продолжаются и за ее пределами.
Кристаллы среди раствора обнаруживают процессы обмена ве-
ществ, растут, восстанавливают свои повреждения, при известных

условиях «размножаются»,—как живые клетки, ткани и организмы, хотя строение кристаллов неизмеримо проще.—Централистический тип устройства, обычный для различных обществ людей и животных, а также для высших организмов, характеризует и то же время, солнечную систему и, вообще, насколько можно судить, звездно-планетные системы; а на другом полюсе бывающих нынешние теории приписывают его атомам в их внутреннем строении.

Бесконечно повторяется во вселенной, на всех ее ступенях, тип волн или периодических колебаний. Волны электричества и света в эфире, волны звука в воздухе и других телах, морские волны и т. д.; даже астрономические движения светил представляют периодические сложные вибрации около общих центров тяжести. В жизни организма не только пульс и дыхание, но почти все органические процессы подчинены колебательному ритму: сон и бодрствование, работа и отдых, волны внимания и пр. Смена поколений может рассматриваться, как ряд накладывающихся одна на другую волн роста и упадка жизни. Хорошо известна роль ритма в коллективном труде, в музыке, поэзии, во всех видах человеческого творчества...

Все подобные совпадения, по-истине, бесчисленные, приводят к одному общему вопросу. От этого вопроса невозможно отделиться фразой: —случайные аналогии!» Никакая теория вероятностей не была бы мыслима, если бы «случайность» забавлялась таким систематическим повторением методов и форм во вселенной. Здесь необходимо научное объяснение.

V.

Если самые различные виды человеческой деятельности, с одной стороны, стихийной работы сил природы—с другой, могут приводить к схематически-совпадающим результатам, то очевидно, во всех этих разнородных активностях должно найтись нечто общее, способное дать основу для всех таких совпадений. В чем оно может заключаться?

Чтобы идти последовательно, попробуем найти самый общий характер, присущий человеческой практике, и в то же время встречающийся в стихийных процессах. Он состоит в о б ъ е

тивном смысле нашей практики. Активность человека что-либо организует или дезорганизует, как мы это наблюдаем на каждом шагу; и те же определения мы часто относим к активности природы. Исследуем эти характеристики: что они означают, и насколько широко применимы?

Употребление слова «организовать» в обычной речи довольно прихотливо и неопределенно. Чаще всего оно относится к людям и их труду, их усилиям: «организовать» предприятие, армию, нападение, защиту, научную экспедицию, изучение вопроса, и т. д. Затем, «организационными» называют стихийные процессы, посредством которых образуются живые тела, их группы и их части: «это растение организовано так-то»; — «виды животных и растений организуются в природе действием естественного подбора и наследственности»; — «организация данных тканей, их функций такая-то», и т. п. Для нашей цели необходимо установить точное и строгое, научно-пригодное значение слова.

Прежде всего, следует ли относить понятие «организации» только к живым объектам или активностям, как делается в обычной речи? Берем самый типичный пример: «организовать предприятие». В чем сущность этого процесса? Организатор комбинирует рабочие силы, соединяет трудовые акты людей в целесообразную систему. Но это — не все элементы, с которыми имеет дело его организующая функция. С силами людей он сочетает энергии вещей: с рабочими руками — орудия, машины, вообще — средства производства. Мысль организатора оперирует и с теми и с другими элементами одинаково, так, что даже те и другие взаимно замещаются: недостаточность или порча орудий заставляет увеличивать количество труда; напротив, новая машина вытесняет часть рабочих рук, исполняя за них некоторые операции. Очевидно, что с точки зрения техники предприятие является организацией людей и вещей одновременно: то и другое — производительные силы, организуемые в целесообразное единство.

Следовательно, здесь понятие организации прилагается и к «мертвым вещам». В самом деле, если понимать организованность, согласно обычным представлениям, как «целесообразное единство» элементов, то странно было бы не признавать,

напр., машину за организованную систему; и не только машину, а всякое орудие, всякое техническое приспособление.

Далее. Стихийные процессы выработки жизненных форм считаются также «организующими»; однако, понятие «целесообразности» тут может применяться лишь как метафора: создавая клетку или организм, природа не ставит себе «целей», как не ставит человек, устраивающий предприятие или строящий машину. Значит, обычное понимание организации не обладает научной точностью.—А в то же время сравнение живой и мертвой природы приводит к мысли, что нельзя ограничивать область «организованного» только живыми телами, исключая из нее все «мертвое». Если кристаллы, подобно клеткам или организмам, способны к подвижному равновесию обмена вещества со своей средой, к росту, к размножению, к восстановлению нарушенной повреждением формы, то как считать их совершенно неорганизованными? Ясно, что и по этой линии границы обычного понятия неизбежно расплываются.

Чтобы выбраться из этих неопределенностей, анализируем организующую деятельность как в человеческой практике, так и в природе.

VI.

Организующая деятельность всегда направлена к образованию каких-нибудь систем из каких-нибудь частей, или элементов.

Какие же вообще эти элементы? Что именно организует человек своими усилиями? Что организует природа своими эволюционными процессами? При всем разнообразии случаев, одна характеристика остается повсюду применимой: организуются те или иные активности, те или иные сопротивления. Исследуем, и мы убедимся, что это, во-первых, на самом деле одна, а не две характеристики, и во-вторых, что она универсальна, не имеет исключений.

Система труда представляет организацию человеческих активностей и сопротивлений, направленных против сил внешней природы, т.-е., опять-таки, ее сопротивлений и активностей. Всякий жизненный процесс является организованным, именно, как

сочетание активностей и сопротивлений, противостоящих его среде.—Но что такое «сопротивление»?

Когда две активности сталкиваются, то каждая из них—сопротивление для другой. Если вы боретесь с врагом, то его усилия для вас—сопротивление, которые надо преодолеть; но также и обратно: все зависит от выбора точки зрения. Активность и сопротивление—не два разных типа явлений, а два соотносительных обозначения для одного типа. Исключений нет.

Прежде думали, что существуют сопротивления, вполне лишённые характера активностей, чисто-пассивные, и называли их «инерцией». Инерцию приписывали веществу, именно атомам; полагали, что материя, не будучи сама «силою», оказывает действию сил сопротивление, пропорциональное массе своих атомов. Но теперь представление о чистой инерции разбито; атом оказался не пассивной субстанцией, а, напротив, системой наиболее быстрых и концентрированных движений, какие только известны во вселенной; материя свелась к «энергии», т. е. к действию, к активности.

Мы сказали: все, что организуется, есть не что иное, как активности-сопротивления. Легко убедиться, что это так. Все, доступное нашему опыту, нашему усилию и познанию, представляет необходимо активности-сопротивления. Если бы существовало нечто иное, не имеющее этого характера, оно не производило бы действия на наши чувства, не проявляло бы противодействия нашим движениям: оно не могло бы войти в наш опыт, и навсегда осталось бы для нас неизвестным, недоступным. Значит, «оно» нас и не касалось бы, о нем не приходится ни говорить ни думать, если наши слова и мысли должны иметь какой-нибудь смысл.

Итак, организация есть некоторое сочетание активностей-сопротивлений. Исследуем, какое.

VII.

Предположим, что человек в своем сознательном или природа в своем стихийном творчестве соединяет некоторые однородные активности. Соединение может быть выполнено различным спо-

собою; и, в зависимости от этого, результаты получаются весьма неодинаковые.

Мы привыкли считать «дважды два—четыре» образцом непреложной истины. Эта истина на каждом шагу опровергается различными сочетаниями активностей.

Мы комбинируем для работы две пары средних человеческих силы. Будет ли коллективная рабочая сила равна учетверенной индивидуальной? Общее правило на практике таково, что не будет равна, а окажется больше или меньше. Если эти силы сгруппированы так, что они мешают друг другу, стесняют одна другую, то коллективная сила меньше их суммы, как это очевидно само собою. Если они организованы в планомерное сотрудничество, то коллективная сила больше их суммы, как учит, на основании опыта, политическая экономия.

Расположим эти четыре силы так, чтобы они были сопротивлениями одни для других: с двух концов веревки по два человека тянут в противоположные стороны. Коллективная сила равна нулю, ребенок может толкнуть всю компанию в ту или другую сторону. Это—система вполне дезорганизованная по отношению к данной, специальной активности. При менее полной дезорганизации коллективная сила—больше нуля, но меньше четырех.

Предположим, что работники должны поднять тяжесть в 15 пудов. Один рабочий ничего с ней не поделает: его активность по отношению к этому сопротивлению объективно равна нулю. Два работника вместе, может быть, с величайшими усилиями поднимут тяжесть на сантиметр. Четыре, координируя свои усилия, поднимут ее уже не на два сантиметра, а на метр или больше. Это—организованная система сил.

Но существует и средний случай, где целое как раз равно сумме своих частей? Да. Но если четыре работника сгруппированы так, что их общая трудовая активность точно равна учетверенной индивидуальной, то это означает, что организационное влияние сотрудничества уравновешено дезорганизующим влиянием взаимных помех. Иначе какая-нибудь разница в ту или другую сторону имела бы лицо, малая или большая, это принципиально не важно. Следовательно, формула «дважды два—четыре» выражает лишь предельный случай, а именно по-

ное равновесие тенденций организующих и дезорганизующих. Та-
кую систему можно назвать «нейтральной».

Естественно, что это—случай наиболее редкий в действитель-
ности. Если бы мы могли с абсолютной точностью измерять резуль-
таты соединения активностей, то систем строго нейтральных,
истинно-верных математической абстракции, вовсе не нашлось бы.

VIII.

Те же соотношения наблюдаются на всех ступенях лестницы
бытия.

Так, живой организм уже давно определяли, как «целое, которое
больше суммы своих частей». Действительно, сумма активностей-
сопротивлений, которые организм проявляет по отношению к своей
среде с ее враждебными силами, гораздо больше, чем простой ре-
зультат сложения тех элементарных активностей-сопротивлений,
какими обладают по отдельности, напр., клетки нашего тела;
отделенные от целого, они беззащитны перед средою, и немедленно
разрушаются. Но если бы даже они могли жить самостоятельно,
как амебы, то разве 60—100 триллионов амеб составили бы по
отношению к природе такую силу, какую представляет человек?

Естественный магнит в оправе из мягкого железа обнаружи-
вает значительно больше свободного магнетизма, чем без оправы,
хотя если взять ее в отдельности, то ее свободный магнетизм
очень мал, почти не отличается от нуля. Но можно сложить две
магнитные полосы таким образом, что их общее магнитное дей-
ствие почти уничтожится.

Кристалл обладает неизмеримо большим сопротивлением ме-
ханическим деформирующим воздействиям, чем такое же количе-
ство того же вещества в виде мелкого порошка. В жидком состоя-
нии тел частицы менее тесно связаны между собою, чем в твер-
дом, и сопротивление деформации сравнительно ничтожно; в газо-
образном — оно становится отрицательным, форма нарушается,
если нет препятствий, сама собою;—это можно назвать механи-
чески-дезорганизованным состоянием.

Интерференция волн, напр., световых, дает хорошую и весьма
простую иллюстрацию всех трех типов сочетаний. Когда две оди-
наковые волны сливаются так, что их под'емы вполне совпадают

между собою, и понижения, конечно, тоже, то сила света в этом пункте не вдвое больше, чем от одной волны, а вчетверо: целое превосходит сумму частей, сочетание «организованное». Когда же под'ем одной волны точно накладывается на понижение другой, и обратно, то соединение света и света дает темноту: комбинация наиболее «дезорганизованная». Промежуточные соотношения волн образуют все ступени между крайними пределами «организованности» и «дезорганизации». Средняя из этих ступеней, где сложение волн дает двойную силу света, соответствует «нейтральным сочетаниям».

Мы нашли формально-строгое, пригодное для научного исследования определение «организации». Оно, как видим, одинаково прилагается и к сложнейшим, и к простейшим явлениям, и к живой природе, и к «неорганической». Оно показывает, что организация—факт универсальный, что все существующее можно рассматривать с организационной точки зрения.

IX.

Но, повидимому, до сих пор наши поиски ведут нас только от загадки к загадке. Вот и теперь, у нас получился парадокс, мы принуждены отрицать священную основу здравого смысла, формулу «дважды два—четыре»: оказывается, что в действительности, если она и бывает верна, то скорее по исключению; по правилу же целое бывает или больше или меньше суммы своих частей; и математическая аксиома «целое равно сумме своих частей»—лишь предельная абстракция. Каким образом возможно все это?

Всего проще было бы ответить так: это—факты; а значит, и толковать нечего.—Но из уважения к мудрости веков, поставимся если не оправдать, то объяснить наше посягательство на священную основу.

Та же самая математика знает множество случаев, где целое не равно простой арифметической сумме своих частей, а меньше ее: так, в алгебре, результат сложения положительных и отрицательных величин: там два со знаком плюс и два со знаком минус дает не 4, а 0; такова, в теории векторов и кватернионов, «векториальная» сумма; примером ее может служить положение

что сумма двух сторон треугольника равна третьей его стороне. В механике, в физике выясняется реальный смысл этих формул: противоположно направленные перемещения тел, силы, скорости, ссединяясь, уменьшают друг друга; вообще же при различных направлениях подобные величины складываются по закону векториальной суммы,—так-наз. «параллелограмм» перемещений, сил, скоростей, и т. под. Все это, в сущности, вещи очень обычные, всем знакомые из опыта: если активности соединяются так, что становятся друг для друга сопротивлениями, вполне или отчасти, то их практическая сумма соответственно уменьшается. Если направления сил противоположны, то они всецело «дезорганизованы»; если совпадают, то вполне координированы или «сорганизованы» против общих им сопротивлений; в промежуточных комбинациях, напр., силы, действующие под углом, они отчасти взаимно ослабляются, отчасти же взаимно усиливаются. Тут и для здравого смысла загадки нет.

Но другой случай—«целое больше суммы частей»? Он легко объясняется через предыдущий, если мы примем во внимание, что активности существуют и измеряются не сами по себе, а по отношению к каким-либо сопротивлениям, как и сопротивления—лишь по отношению к активностям. Возьмем самую простую иллюстрацию.

Два работника убирают камни с поля. Физическая сила каждого из них выражается предельной величиною, допустим, 8 пудов. Но там есть камни и по 10, 12, 14 пудов. По отношению к ним, работник индивидуально бессилен: т.-е., измеренная объективно, по ее реальному эффекту, его активность, примененная к ним, определяется величиной нуль.—Но вот оба работника соединяют свои силы. Соединение получится, конечно, несовершенное: они будут не только помогать, но отчасти и мешать друг другу. Реальная сумма их усилий в пределе окажется, напр., 15 пудов. Но измеренная по эффекту ее приложения к самым большим камням, она больше единицы, тогда как то и другое слагаемое равнялись нулю. Целое больше суммы частей; созданся новый фактор действия, тот, который Маркс называл «механической силой масс».

Активности работников, хотя и несовершенно, сложились, а сопротивления не складывались вовсе. Это, очевидно, самая благо-

приятная комбинация. Большей частью соотношение бывает весьма благоприятным: складываются и активности и сопротивления. Так, если в лодку сели, вместо одного, два гребца, то не только больше прилагаемая сила, но больше и сопротивление: прибавляется вес лишнего тела, лодка садится глубже, трение с водой значительнее, и т. д. Достаточно, чтобы первая сумма была образована совершеннее, чем вторая, с меньшей потерей; и тогда при наблюдении объективных результатов окажется, что целое больше суммы частей, т. е. сочетание сил организованное.

Чрезвычайно наглядные подтверждения той же мысли дает опыт военного дела. Войны французов с арабами и другими туземцами Сев. Африки показали, что при равном вооружении превосходство европейского солдата над противником в столкновениях один — на — один, ничтожно, и даже вообще сомнительно; но отряд в двести французских солдат уже с успехом мог бороться против 300 — 400 арабов; а армия в 10.000 французов — против 30 — 40 тысяч туземцев. Цифры, конечно, более чем приблизительные; но общий характер соотношения, несомненно, таков, как они выражают: чем больше численность отрядов обеих сторон, тем больше относительная сила европейского войска. Почему? Потому что комбинировать боевые активности становится тем труднее, чем значительнее число боевых элементов; и эту сложную задачу европейская тактика разрешает лучше: благодаря ей, «складывание» военных сил происходит совершеннее, полнее, с меньшими «потерями суммирования», чем для другой стороны.

Аналогично объяснение, которое приходится дать нашему примеру с магнитом и его оправой. По теории магнетизма, все частицы мягкого железа магнитные, все обладают «круговыми электрическими токами», обуславливающими магнитное действие. Но при обычных условиях все такие элементарные магниты-частицы расположены беспорядочно, их магнитные действия скрещиваются по всем направлениям и взаимно уничтожаются. В магните, природном или искусственном, имеется частичная «поляризация», т. е. элементарные магниты повернуты, в более значительной части, в одну сторону одинаковыми полюсами; и магнитные действия, соответственно этому, складываются. В мягком железе магнит, в свою очередь, вызывает такую же поляризацию, поворот магнитных молекул или круговых токов к однородному направлению.

нию; часть активностей складывается, переставая быть друг для друга сопротивлениями; получается организационный эффект — увеличение суммы действия.

Так объясняется организационный парадокс. Мы живем в мире разностей: мы ощущаем только разности напряжений энергии между внешней средою и нашими органами чувств; мы наблюдаем, мы измеряем только разности между активностями и сопротивлениями. Если, с одной стороны, ряд активностей, а с другой, ряд сопротивлений складываются не одинаково совершенно, то находящаяся в опыте разность между обоими рядами окажется больше, чем результат сложения прежних отдельных разностей: целое больше суммы частей.

Х.

Точное определение организованности таково, что это понятие оказывается применимым универсально, на всех ступенях бытия, а не только в области жизни: всюду, где могут комбинироваться те или иные активности, те или иные сопротивления. Из определения следует, что абсолютно-неорганизованное невозможно в опыте; если бы оно и существовало, то мы ничего о нем не могли бы знать. В самом деле, представим себе, чем оно должно быть: это такое сочетание активностей, в котором они направлены вполне беспорядочно, вплоть до малейших, до бесконечно-малых своих элементов. Следовательно, все эти их элементы между собою сталкиваются, являются друг для друга сопротивлениями, и во всем своем бесконечно-большом числе взаимно парализуются, взаимно уничтожаются. Но тогда они не могут оказать никакого сопротивления нашим усилиям: тут нечего ощущать и воспринимать; с точки зрения нашего опыта, это — чистейшее «ничто»..

Даже, когда мы наблюдаем «дезорганизованные» сочетания, то они всегда получаются из организованных частей; иначе эти части не были бы доступны опыту. И весь мировой процесс necessarily является для нас процессом организационным. Это — бесконечно разворачивающийся ряд комплексов разных форм и степеней организованности, в их взаимодействии, в их борьбе или объединении.

XI.

Мы хотели объяснить себе поразжающие «схематические совпадения» различных методов и продуктов как человеческой деятельности, так и природы. Для этого мы искали общего характера всех этих процессов, сознательных и стихийных, и нашего, а именно—характер организационный. Тем самым определялась и основа исследуемых совпадений: пути и способы организации, которые, как видим, для самых несходных элементов могут оказываться сходными.

Это чрезвычайно важный для нас вывод. Если человек опирается на свое сознание, а природа помимо всякого сознания вынуждена в своей организационной работе идти одними и теми же путями; если централистический способ организации приложим для людей в обществе, для муравьев в их родовой коммуне, для светил в звездных системах, для электронов в атомах; если ритм и периодичность служат организующим моментом едва ли не для всех явлений мира, и т. д., и т. д.,—то в нашем опыте возможно установить гораздо больше единства, чем до сих пор допускалось обыденным, и даже научным мышлением. Вдумаемся в этот вывод:

Все, самые разнообразные, самые далекие один от других, качественно и количественно, элементы вселенной могут быть подчинены одним и тем же организационным методам, организационным формам.

В чем состоит тайна науки? В том, что несоизмеримо-различные ряды явлений наука связывает так, что результатом являются предвиденье и целесообразность. Мы видели, что в ее основе лежит тайна труда, практики. В поисках за решением мы еще расширили вопрос: человеческую практику мы сопоставили со всей жизнью, со всем движением природы. Все это обобщилось для нас одной—организационной концепцией. И вот, оказалось, что обобщение наше не только формальное, не голая отвлеченность: оказалось, что за ним скрываются какие-то еще глубокие, универсальные закономерности, применимые ко всем и всяким организационным процессам, каков бы ни был их деятель, каковы бы ни были элементы.

Не ясно ли, что мы уже нашли ключ к тайне? Еще не самое решение, конечно, а принцип решения, прямой путь к нему. В самом деле, если самые различные способы организации связываются закономерной общностью, и если ей не препятствует самое крайнее несходство элементов, то в организационном объединении того, что казалось несоизмеримым, нет принципиальной загадки.

Что касается конкретного и полного решения вопроса, то оно, очевидно, должно получиться в результате выяснения законов организации, законов, которые охватили бы все области опыта, все сочетания всяких элементов. Словом, это решение—дело всеобщей организационной науки.

ХП.

Всеобщей организационной науки до сих пор не было. Между тем, она, очевидно, возможна, раз возможны закономерности методов и форм организации. Но она, кроме того, и необходима, потому что ее требует сама жизнь.

Наше время характеризуется беспрецедентным ростом и усложнением организационных задач, которые человечеству приходится разрешать. Это относится ко всем областям его жизни. Колоссальное развитие техники машинного производства привело к созданию предприятий, в которых тысячи и десятки тысяч разнообразных рабочих сил соединяются с массой специальных орудий, материалов, машин, всяких приспособлений, простых, сложных и сложнейших. В науке накопление опыта дошло до того, что из ее сотен отраслей большинство страдает от чрезмерного количества фактических данных, от нагромождения сырого материала, подавляющего самих специалистов. Экономическая жизнь, с ее анархией производства, с ее столкновениями и сплетением интересов, представляет такой хаос противоречий, в котором человек, большей частью, не в силах даже ориентироваться. Все это надо систематизировать, координировать, организовать, и притом не по частям, а в целом, в масштабе всего общественного процесса...

Такова мировая организационная задача

социализма, задача трединой, целостной организации людей, вещей, идей.

Ясно, что она не может быть построена иначе, как научным путем. Чудеса нынешней техники основаны на комбинациях несравненно менее сложных и трудных: однако, они возможны только благодаря методам и формулам математических, естественных, вообще специальных наук, концентрированных каждая в своей области, опыт человечества. Для разрешения всеобъемлющей организационной задачи эти специальные науки очевидно, недостаточны, в силу своего частичного характера, своей раздробленности. Тут необходима наука столь же всеобъемлющая, которая охватила бы в его целом организационный опыт человечества. Без такого собирания, без такой систематизации этого опыта, преобразование общества, устраняющее порочную анархию в его строении, было бы утопией, столь же нивной, как мечта о воздушных кораблях до развития механики и физики.

ХІІІ.

До сих пор история ставила перед человечеством новые задачи только тогда, когда они были уже разрешимы для него. Но «разрешимая» еще не значит — легкая. Развитие новой, универсальной науки встретит, особенно при первых своих шагах, огромные препятствия. Их главным источником будет специализация...

Специализация оказала и продолжает оказывать человечеству величайшие услуги в борьбе с силами и тайнами природы. Но она создала также некоторые привычки мышления, консервативные и прочные, способные в данном случае сыграть роль предвзятых предрассудков.

Специализация дробит поле труда и мысли, чтобы лучше им овладеть. Но дробление означает сужение этого поля для работников-специалистов, — а вместе с тем и ограничение их кругозора. Лучшие представители науки давно поняли это, и не раз указывали на отрицательную сторону специализации. В занимающем нас вопросе, к несчастью, именно эта сторона неизбежно выступит на первый план.

Чем больше дробились и расходились между собою специальности, чем более обособленно они жили и развивались, тем сильнее укоренялась в специалистах привычка рассматривать каждую отрасль опыта, как особый мир с особыми законами, а вместе с тем стремление охранять границы этого мира, склонность заранее считать всякую попытку перейти их или нарушить—за пенаучную и вредную фантазию. Как известно, именно со стороны специалистов наибольшее сопротивление, часто ожесточенную борьбу, встречали те открытия, которые основывались на перенесении методов из одной специальной отрасли в другую,—которые вели к сближению или слиянию.

Специализация теперь господствующий тип развития: если в науке она достигает, может быть, крайней степени, то ведь и в обыденной практике—кто не «специализирован» в том или ином смысле и степени? Оттого указанные нами привычки-предрассудки распространены повсюду. Они и мешали до сих пор часто даже заметить, и особенно—исследовать многочисленные, поразительные совпадения организационных форм и методов в самых отдаленных одна от другой областях жизни и опыта.

«Истинный», закоренелый специалист, если ему скажут, что возможно и следует установить общие законы сочетаний, равно применимые ко всяким без различия элементам, будем ли мы брать за такие элементы звездные миры или электроны, людей или камни, представления или вещи,—вероятно, не станет даже возражать на столь явную нелепость, а только пожмет плечами. Но он будет неправ, этот почтенный «филистер специальности» (так их называл Эрнст Мах, знаменитый физик, физиолог и философ). Столь явная нелепость на деле возможна, и доказательства искать недалеко—в той же, хотя и специализированной, науке.

Существует наука—и, как раз самая точная,—которая дает законы и формулы сочетаний для каких угодно элементов вселенной. Это—математика. В ее схемах численные символы могут относиться ко всяким безразлично объектам—звездным мирам или электронам, людям или вещам, поверхностям или точкам,—и законы счетных комбинаций остаются одни и те же. Для математики все объекты сравнимы, все подчинены одним и тем же формулам, как величины; для новой всеобщей науки все они сравнимы, все подчинены одним формулам, как организационные элементы.

Специализация порождает еще одно, и очень крупное, затруднение на пути новой науки—это особый технический язык каждой отрасли. Когда одни и те же соотношения выражаются разными символами, то мы неизбежно принимаем их за разные соотношения и не можем их обобщить. Но в разных отраслях чрезвычайно часто одно и то же обозначается разными словами, и, наоборот, одни и те же слова получают разный смысл. Примеров можно указать сколько угодно.

Все содержание политической экономии сводится, по существу к исследованию того, как люди приспособляются к объективным условиям труда. Но «приспособление»—термин биологии, а в экономических произведениях его редко даже встретишь; там, вместо: «человек экономически приспособляется», говорят: «человек действует сообразно хозяйственной выгоде». Коренное единство феодальных форм у всех народов долго скрывалось от историков благодаря тому, что феодалы в одних странах назывались сеньорами, в других—удельными князьями, в третьих—киатриями, и т. д. Мелкие боги католицизма называются святыми, и потому католицизм, вопреки своему объективному характеру, до сих пор многими причисляется к религиям единобожия: специалисты по католической теологии слишком редко знали сколько-нибудь серьезно теологии «языческие».—Но особенно яркую иллюстрацию нашей мысли дает как раз понятие «организовать». Оно чуть не в каждой отрасли труда и познания выражается иначе.

О людях, о коллективе обыкновенно говорится: «организовать», об усилиях, о движениях чаще—«координировать», и знаниях, фактах—«систематизировать». Когда труд организует элементы, взятые из внешней природы, в планомерное целое, это называют в одних случаях: «произвести» продукт, в других—просто «сделать» его; если продуктом является здание, машина, то—«построить». Организовать разные элементы жизни, мысли, чувства в эстетическое целое—обозначается: «создать» художественное произведение, «сочинить» роман. Во многих специальностях то же общее понятие находит выражение в терминах частичных операций: «написать» книгу (подразумевается вся работа мысли и воли, а отнюдь не только движения

ища), «парисовать» картину, «сшить» костюм (план, моделирование костюма, кройка, примерка и пр.—большая организационная работа, а отнюдь не одно шивание ткани), и т. под.

Нам показались бы, конечно, смешными сочетания слов: «организовать» машину, здание, книгу, картину, костюм. Но это—дело привычки, а привычка—не доказательство. Нам не смешны выражения: «построить теорию», «построить партийную организацию», «произвести реформу», и т. под. В каждом из специальных выражений «координировать», «построить», «сочинить» и т. д., без сомнения, есть особый оттенок, указывающий на ту или иную специальную технику организационного процесса. Но этот оттенок вполне определяется в указании на организуемый объект: понятно, что строить дом, строить теорию и строить партию приходится технически разными приемами, а также разными создавать поэму, картину, статую, костюм; не зачем еще другой раз указывать то же самое в глаголе: это плеоназм, и плеоназм вредный, мешающий обобщению.

Множественность специальных словесных обозначений—одно из важнейших условий, препятствовавших обобщению организационного опыта, его объединению в форму универсальной науки.

XV.

Насколько, в действительности, будет нова эта наука? Ее материалом будет весь организационный опыт, и, прежде всего, конечно, старый опыт, накопленный человечеством, но только существующий в разрозненном виде, не собранный, не разработанный. Ее методы будут те же методы старых наук: индуктивное обобщение, основанное на сводке наблюдений и, где возможно, на точных экспериментах; отвлеченная символизация; дедукция. Новой окажется лишь точка зрения, воплощающаяся в самой постановке задачи, и планомерная работа над этой задачей.

Но так ли нова и точка зрения? К счастью, она тоже имеет свое прошлое, свои многочисленные зародыши и прообразы.

Первый из них заключается в самой человеческой речи, точнее—в том ее принципе, который Макс Мюллер называл «основной метафорой». Речь возникла из «трудовых междометий»,

непроизвольных звуков, сопровождавших разные акты труда; и первые слова были обозначением только человеческих трудовых действий. Универсальным выражением опыта речи могла сделаться лишь благодаря тому, что те же слова стали применяться для обозначения аналогичных стихийных действий, происходивших в природе. Напр., слово, выражающее акт разбивания, дробления предметов в производстве, охоте, войне, стало относиться и к действию лавины, разбивающей, дробящей разные предметы в своем падении; или слово, обозначающее акт копания, рытья,—к действию потока, прорывающего себе новое русло, и т. под. Через величайшее различие, какое имеется в опыте,—различие человека и внешней природы, сознательности и стихийности,—язык уловил и признал принципиальное единство соотношений. Не ясно ли, что здесь, в скрытом виде, уже есть начало новой, всеобъединяющей точки зрения?

Далее, она же выступает еще определеннее в «народной мудрости», с ее пословицами, притчами, баснями и пр. Какаянибудь пословица «в единении сила», или соответствующая ей притча о венике и прутиках объединяет огромную массу организационного опыта, относящегося к комбинированию активностей и сопротивлений во всех, самых различных областях опыта: в жизни человеческих коллективов, в сфере технических сочетаний разных материалов и энергий, в группировке знаний и мыслей, и т. д. Почти такую же массу, и столь же разнообразного опыта дезорганизационного охватывает, в своей наивно-образной форме, пословица «где тонко, там и рвется»: всякая система начинает дезорганизоваться с пункта наименьшего сопротивления, будет ли это организация людей, или живое тело, или орудие, или ткань, или теория, и т. д. — Нет надобности продолжать примеры. Здесь перед нами действительное,—по донаучное и потому не-научное выполнение той задачи, которую ставит наша новая наука.

XVI.

В большей мере прообразом, чем зародышем новой науки, является старая философия. Отыскивая единство мира, она не

понимала, что оно может быть установлено только, как единство организационных методов и форм; она представляла единство фетишистически-отвлеченно. Но в свои построения она старалась вносить научную широту и методичность; поэтому она подготовила не мало материала для новой науки.

Одно из философских построений стоит особенно близко к новой точке зрения. Это—диалектика Гегеля. Гегель хотел установить универсальный метод «развития» для вселенной, в ее целом и в ее частях. Под «развитием» он, в сущности, понимал метод или путь организации всевозможных систем. Но гегелевская диалектика не была на деле универсальной, потому что взята из ограниченной сферы—отвлеченного мышления. Не была универсальной и позднейшая вариация диалектики—материалистическая. Но глубина и широта замысла обусловила огромное историческое влияние диалектики на развитие научной мысли.

XVII.

Новая наука должна родиться из нынешней науки. Весь ее материал, все ее методы должны быть исследованы с новой точки зрения ¹⁾.

И самой нынешней науке эта точка зрения не так чужда. С разной степенью определенности, она выступает во многих теориях, связывающих наиболее отдаленные одна от другой области бытия, наиболее разнообразные формы явлений. Таковы особенно теории общей физики. И не только теории. Даже среди отдельных экспериментов есть настолько проникнутые этой точкою зрения, что их скорее можно отнести ко всеобщей организационной, чем к какой-либо из специальных наук.

Вот примеры. Канто-лапласовская теория происхождения миров находит опору в формах планетных туманностей, кольцах Сатурна, и также в известном опыте Плато. Жидкий масляный шар в смеси двух других жидкостей, имеющей одинаковый с ним удельный вес, будучи приведен во вращение, воспроизводит форму кольца Сатурна. По методу—опыт физический; по цели—

¹⁾ Такому исследованию посвящена «Всеобщая организационная наука», в трех частях (1913—1922).

космологический. Куда его отнести? И по составу и по условиям среды, что общего между гигантской туманностью из разреженного газа в пустом эфире и масляным шариком в жидкости? Но есть общая закономерность в процессах строительных, т. е. организационных.

Бюкли готовяла «искусственные клетки» из пенной или эмульсионной смеси, не имеющей по химическому составу ничего общего с живой протоплазмой. Эти клетки воспроизводили переливающиеся движения живых амёб; этим решается вопрос о физическом строении протоплазмы. Что это за опыт? Отнести его к молекулярной физике? Но вопрос, о котором идет дело, биологический. К биологии? Но объект опыта—вовсе не живое тело. Это несомненно, эксперимент из области законов организации вообще.

Чтобы выяснить возможное расположение электронов в атоме, современные физики строят модели с электро-магнитом или наэлектризованным кондуктором и плавающими маленькими магнитами или токами. Ясно, насколько несонизмеримы такие модели с тем, что они изображают. Значит ли это, что опыты нелепы? Нет, потому что смысл их в принципах строения, в принципах мировой организации.

Нынешняя наука полна элементов науки будущего, как нынешнее общество заключает в себе массу элементов будущего строя...

Наука есть коллективизм опыта.

История поставила перед нашим поколением необходимую задачу: обобщить и обобществить организационный опыт человечества. Задача трудная, материал ее подавляюще-громоздкий, самые прочные традиции прошлого ей враждебны.

Что же! Значит, эта задача не для робких и слабых, и не для людей прошлого...

Растущий великий коллектив разрешит ее на своем пути к решению той задачи, для которой она является средством—мировой организационной задачи социализма.

О тенденциях пролетарской культуры.

(Ответ А. Гастеву).

(1919).

1. Вопрос о пролетарской культуре нельзя решать слишком просто: это сложный и трудный вопрос.

2. Его следует решать на основе живой действительности, путем исследования тенденций развития.

Вот положения, для нас вполне бесспорные, нами всегда проводившиеся, и которые только по странному недоразумению тов. Гастев выдвигает, как нечто новое.

3. Решать этот вопрос следует всецело исходя из техники производства, из его «тончайшего молекулярного анализа».

Так пытается решать его тов. Гастев. Здесь начинается наше расхождение с ним. Мы полагаем, что исследование нарождающейся культуры следует вести, исходя в первую очередь из условий техники, но не всецело из них, не только из них. Третье положение противоречит второму: оно берет не всю живую действительность с ее тенденциями, а только часть ее, одну сторону. Технический процесс производства есть основа социальной жизни, но не вся эта жизнь. Пролетариат живет трудом, но не исключительно в труде: он живет также в сфере экономических отношений к капиталу и рынку, как продавец рабочей силы и покупатель предметов потребления. Он живет также в сфере возникающей отсюда политической, а затем и «культурной» борьбы, в узком смысле слова. Пролетарская жизнь есть целое, и надо исследовать ее в целом, а не вырывать кусок, хотя бы и очень важный, основной. Здесь Гастев хочет

решать вопрос черезчур «просто», — значит, как видим, поступает в противоречие и с первым своим положением.

4. «Металлургия Нового Света, автомобильные и аэропланные фабрики Америки и Европы и, наконец, военная промышленность всего земного шара нового мира — вот новые гигантские лаборатории, где создается психология, где фабрикуется культура пролетариата». Это «надо принять как аксиому», повторяет затем Гастев.

И на это мы не согласны. Решение вопроса становится еще более «упрощенным». Вместо целой живой действительности берется уже не одна ее сторона, а кусок этой ее стороны. И берется без анализа. Механическое производство в общем можно признать передовым: научная техника, концентрирующая гигантскую сумму накопленного опыта, огромная концентрация живой рабочей силы. Но разве ниже по научно-технической прогрессивности, напр., химическая индустрия Германии? А затем, насчет «всей военной промышленности земного шара» следовало быть много осторожнее, именно со времени мировой войны. Дело в том, что «промышленная мобилизация», с необыкновенным расширением военной индустрии, втянула в нее огромную массу отсталых элементов, по всему прошлому не пролетарских, и мелко-буржуазных и крестьянских. Коренной пролетариат всюду был сильно разбавлен, а во многих случаях прямо-таки затоплен ими. Сразу стать «культурным авангардом» рабочего класса они, конечно, не могли. Напротив, как раз отсталостью этих масс определились некоторые организационные особенности самой военной индустрии, в том числе, как увидим, одна важнейшая, по мнению Гастева, тенденция.

Итак, уже в исходных пунктах нашего критика есть несомненные ошибки и противоречия. Но, прежде чем проследить, как они на деле приводят его к ложным выводам, нам надо остановиться на одной скрытой ошибке, свойственной не одному Гастеву, на ложной предпосылке, которая бессознательно принимается и наше время огромным большинством людей. Это — смешение трех глубоко-различных организационных понятий: «планомерная организация», «регулирование», «нормирование».

Гастев, несомненно, разделяет нашу основную идею относительно культуры вообще, классовой или не классовой: именно,

что она сводится к совокупности методов и средств организации социальной жизни людей. Согласится он, вероятно, и с тем, что пролетарская культура идет в направлении планомерной организации жизни, сначала самого класса, затем всего общества. Но что такое эта планомерная организация?

Когда в Германии был широко проведен государственный капитализм, то многие — вероятно, почти все — экономисты рассматривали его, как «планомерную организацию» экономики общества, проведенную буржуазией в ее интересах. На самом же деле это была далеко еще не планомерная организация, а только регулирование, в наибольшей же части и того меньше — всего лишь нормировка.

Через широкую и глубокую реку требуется построить мост. Постройка «планомерно организуется» инженерами. Что сюда входит? Сначала исследование местных условий, т.-е. приобретение новых, относящихся к задаче данных. Затем составление и разработка плана, т.-е. комбинирование этих данных с накопленным раньше техническим опытом при помощи научных методов. Затем подбор соответственных работников, приобретение материалов, орудий, целесообразное распределение всех этих элементов производства. Наконец, сообразное с планом выполнение самого дела. Можно ли охватить такую совокупность организующих актов одним понятием «регулирования»? Конечно нет.

Регулирование — это только «упорядочение» того, что делается, внесение правильности в идущий процесс работы. Глубже лежит вся творческая сторона процесса, которая и есть его основа. Ее можно обозначить, как «комбинирование» разных элементов процесса — взявши термин в самом широком значении: комбинирование данных опыта в стройный план, живых и мертвых элементов производства в цельную действенную группировку.

Когда этим путем создан план и реально собраны воедино все условия его выполнения, тогда «дело» идет этап за этапом к своей цели: организованной системе вещей, называемой мостом. В самом ходе дела возникают несогласованности и противоречия. Напр., рабочие, исполняющие одну операцию, не успевают за другими, которые ведут другую, технически предшествующую или последующую; у иных обнаруживается нерасчетливость в обраще-

нии с материалом, или неосторожность с машинами; некоторые служащие вызывают недовольство и протест подчиненных, чем нарушается ход работы; какие-нибудь доставленные машины оказываются по величине полезного действия ниже, чем предполагалось, какие-нибудь строительные материалы не с теми коэффициентами сопротивления, что значились в проекте и по договорам с поставщиками, и т. под. Тогда выступает на сцену второй момент организационного процесса: «регулирование». Оно устраняет противоречия, вносит необходимую согласованность во взаимоотношения разных живых и мертвых факторов, изменяет для этих их пропорции, темп работы, отбрасывает негодное, и т. д. Оно не создает, а исправляет то, что уже есть; оно само по себе не инициативно, а только следует за событиями, за требованиями, которые предъявляет ход дела. Оно подобно судебному приговору, который не предотвращает преступления, но восстанавливает нарушенный им порядок.

Самый характер регулирования бывает различен. Здесь представляется два типических случая: «индивидуализация» и «нормирование». В первом согласование вырабатывается специально для тех данных условий, которые вызвали вмешательство регулирующей активности; напр., выяснив, насколько рабочие одной функции отстают от рабочих другой, с нею связанной, соответственно увеличивают число первых или уменьшают число вторых; устраняют инженера, которым рабочие недовольны; переисчисляют и изменяют размеры некоторых частей постройки соответственно найденным на деле коэффициентам сопротивлений материалов, и т. п. Во втором случае ограничиваются применением какой-нибудь «нормы», которая должна служить для всех случаев подобного рода; напр., рабочим предписывается определенный дневной «урок», с требованием, чтобы они его выполняли или увольнялись; на выражение недовольства отвечают штрафами и предложением подчиняться или уходить; материалы постановляют принимать только вполне соответствующие первоначальным предположениям, а в противном случае отсылать их обратно. Словом, это — регулирование по шаблону.

Не надо думать, что творческий организационный момент относится только к началу процесса, в нашем примере — технического предприятия. Нет, в разной степени, он играет роль и на

дальнейших стадиях. Во-первых, если в ходе дела обнаружится много новых, не предусмотренных обстоятельств, или извне жизнь предъявит новые потребности, то может понадобиться пересмотр выработанного плана, переорганизация всей системы; напр., выяснится очень быстрый экономический рост окружающего района, и возможность того, что мост должен будет вскоре обслуживать гораздо более широкий транспорт; или вероятность того, что он понадобится для стратегических целей, т. под. В любом капиталистическом предприятии этот момент выступает во всяком расширении производства, при всяком техническом или организационном усовершенствовании, при введении новой машины, а также когда предприятие приспособляют для выделки нового продукта, и т. д. Вообще, в развивающейся системе он имеется постоянно, и есть именно двигатель развития.

Во-вторых, творческий момент, хотя и в ослабленной степени (без характера инициативы) сопровождает и большинство случаев регулирования, особенно там, где применяется индивидуализация: тут прежде всего комбинируются данные и делаются выводы, и результат является частично-новым, если не в качественном, то в количественном смысле. То же относится и к нормировке в ее начальной фазе, когда норма вырабатывается: это акт комбинационного, созидательного характера. В дальнейшем, когда норма или шаблон только применяется, творческий момент уменьшается до ничтожной величины, и регулирующий акт становится просто механическим.

В деле планомерной организации сторона инициативно-творческая, очевидно, является по преимуществу человеческой, всего меньше может передаваться мертвому механизму, всего больше зависит от культуры работника — от суммы его опыта и знаний, от навыка в применении методов, от гибкости нервно-психического аппарата. Напротив, сторона регулятивная, а особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями; путем технического упрощения, путем дробления на отдельные, частичные операции, она доводится в массе случаев до такой элементарности, что легко передается сначала не квалифицированному и мало-культурному работнику, а затем даже машине.

Именно об этом шаблонном регулировании говорит Гастов следующее:

«Технический контроль теперь становится, как это ни странно, привилегией самых неквалифицированных рабочих. Мало того, в дальнейшем технический контроль эволюционирует так, что контролируют уже не чернорабочие, а специальные механизмы, инструменты, машины»...

Но когда это приводит его к выводу о «машинизированной системе трудового управления», о том, что машины и управляемых переходят в управляющие (он сам подчеркнул это курсивом), — то для нас уже должно быть ясно, что он впал в недоразумение. Если, напр., рабочий вытаскивает стальные шарики, а контрольная машина отбрасывает в сторону те из них, которые отклоняются от нормальной величины диаметра, или имеют царапины, неровности, то это далеко от того не значит, что машина стала «управляющим», т.-е. организатором производства. Он смешал организаторскую функцию вообще с ее низшей стороной — шаблонно-нормировочной. А где же ее главная, инициативно-творческая сторона, и где даже высшие формы регулирования, с индивидуализацией условий?

Во многих машинах давно имеются регуляторы силы пара, силы тока, скорости движения, и пр. Когда такой регулятор поставлен, положим, на известное число оборотов в секунду, то понятно, что тем самым «регулируется» затем и внимание рабочего, и темп его действий. Но значит ли это, что машина им распоряжается? Он должен быть, поистине, фетишистом, чтобы так воспринимать факты. Пусть он не сам установил норму скорости машины; но он знает, что она установлена другими участниками производства, на основании коллективно-трудового опыта, воплощенного в науке. Таким образом мнимая власть машины является для него — если он не фетишист — лишь выражением его организационной связи с другими людьми, и даже с другими поколениями, опыт которых мог быть учтен в данной норме. Если другие, установившие норму, социально-чужды ему, не принадлежат к его товарищескому коллективу, — пусть это буржуазно-инженерская интеллигенция, — то он ощущает над собою власть, но не власти машины, а враждебно-классовую; она будет тогда порождать и

нем идеологию борьбы, а не идеологию «нормализации», как полагает Гастев.

Но он ссылается на те «нормировочные тенденции», которые идут уже из самого рабочего класса. Они, по словам Гастева, обозначались в западно-европейском пролетариате, особенно английском, еще тогда, когда «современный машинизм не развернулся так широко», еще «на заре рабочего движения». Отразились они и в России. На первом плане Гастев ставит «нормы выработки», борьба за которые объединила рабочих всей России во время революции. Они отнюдь не просто преследовали цель нарочитого организованного понижения производительности. «Нет, они в своем роде представляли классовую гордость пролетариата». В своем развитии эта нормировочная тенденция «обещает невиданную старым миром классовую претензию пролетариата — работать не только в пределах своей нации, но и на всем земном шаре совершенно одинаковым темпом».

Поразительно, до какой степени предвзятая идея мешает ясности взгляда, беспристрастности исследования. Самые различные вещи смешиваются воедино, когда они внешним образом подходят под заранее принятую схему. И еще тот же Гастев без малейшего одобрения называет меня «схематиком»!

Всякому экономисту и многим даже неэкономистам известно, что «нормировочные тенденции» английских тред-юнионов «на заре рабочего движения» были прежде всего пережитком предшествующей ремесленно-цеховой регламентации. Оттого в этих нормировках было так много бесспорно-реакционного. И видеть в них тенденцию пролетарской культуры!

Иного характера борьба за нормы выработки, напр., у нас в революционную эпоху при обострении классовой борьбы. Эти нормы устанавливаются не по среднему рабочему, а ниже среднего, чтобы не выбрасывать за борт значительную долю работников. Поэтому они способны «организованно понижать производительность», и Гастеву приходится их оправдывать «классовой гордостью», в форме «претензии на одинаковый темп работы». Для трудового класса, стремящегося взять в свои руки всю организацию производства в целях высшего прогресса, такая невыгодная для производительности «гордость одинакового темпа» может показаться странной. Но она имеет свои, временные основания.

Где всего важнее и нужнее «одинаковый темп»? В армии. Для чего он требуется? Для сплочения боевой массы. «Нормы выработки» знаменуют коллективизм не труда, а социальной борьбы, служат не для технического прогресса, а для победы. Очевидно, это лишь временная и частичная тенденция. Строить на ней пролетарскую культуру, значит — впасть в «консерватизм», который так любезно тов. Гастев мне всецело уступает.

Но, — говорит он, — нормировочная тенденция совпадает с общей тенденцией развития машинизма. Недаром «война с ее массовым нормализованным производством» закрепила торжество III тарифного типа приведенных таблиц. Это тип «массовой работы, лишенной какой бы то ни было печати», где господствует «один пронизывающий метод — метод резца и шестерни». И далее: «Это именно тот тип, куда идет деклассификация высших и квалификация низших типов. Он характеризуется высшей степенью машинизации труда, его нормализованностью, объективизмом работы, чуждой всяких индивидуальных эффектов, и, наконец, точностью самой работы». Действительно, если месяц за месяцем точить, в сотнях тысяч, в миллионах, проточные трубки или патронные гильзы одного и того же калибра, какие уж тут индивидуальные эффекты! Но это ли идеальный тип работника?

III тип до войны, т.е. в более нормальных условиях производства, был мало распространен; а война его страшно размножила. Почему? Потому что потребовалось сразу в сотни раз увеличить производство шаблонных элементов истребительной техники: патронов, снарядов, винтовок, полевых орудий, и пр. Были привлечены массы не-пролетарского, городского и сельского населения, без навыков индустриальной техники, без пролетарского заводского воспитания. Приспособить их к новому делу в кратчайший срок было возможно только путем полного сведения работы к шаблонам, путем крайней «нормализации». Что же, этот неизбежный на время способ обработки отсталых, непролетарских рекрутов военной промышленности предопределяет линию развития пролетарской культуры в целом? Было бы слишком печально, если бы это было возможно. К счастью, для этого нет никаких оснований. Ито милитаризма, всюду, а не только в казарме, механизмирующего людей, будет и здесь в свое время сброшено пролетариатом.

С неуклонной последовательностью, которая заслуживала бы лучшего применения, тов. Гастев делает, поистине, грозные выводы:

«Социальное нормирование в недрах рабочего класса чувствуется не только в области чисто трудовой жизни, но проникает во весь социальный уклад, во весь быт... Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в боевые формы рабочего движения: стачки, саботаж, — в социальное творчество, питание, квартиры, и наконец, даже в интимную жизнь, вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата». (Курсив мой. А. Б.).

Эта чудовищная аракеевщина есть, конечно, порождение не производственного коллективизма, а милитаристической муштровки.

И еще вывод — о «величайшей стихийности пролетарского мышления», соединенной с «поразительной анонимностью, позволяющей квалифицировать отдельную пролетарскую личность» каким-нибудь номером или буквой. Он пытается уверить, что это не обыкновенная стихийность, «шальная, слепая», а какая-то иная, высшая. Но увы! — вот картина, которую сам он тут же рисует: «мощные, грузные психологические потоки, гуляющие из края в край мира», с психологическими «включениями, выключениями, замыканиями»... Это именно картина так-называемых «панических массовых настроений», с резкими переходами от под'ема к упадку, от боевого порыва к покорной сдаче или безумному бегству. Это — не коллектив, это всего лишь толпа, или даже стадо.

Гастев недаром отказывается характеризовать пролетарскую культуру ее коллективизмом. Это, по его мнению, ничего не выясняет. «Коллективы-артели, коллективы-коммуны, коллективы религиозные, политические, социальные... Их было тысячи», — говорит он.

Да, их было тысячи; и потому надо исследовать, тов. Гастев, а не просто отмахиваться. И от этих тысяч надо перейти к тому единому, пролетарскому трудовому коллективу, который и создает, сперва стихийно, а потом, все более сознательно, новую культуру. И когда «схематик» исследовал, то оказалось вот что.

Пролетарский коллектив отличается и определяется особой организационной связью, которая называется товарищеским сотрудничеством. Это такое сотрудничество, в котором организаторская и исполнительская роль не раз'единены, а связаны в общей совокупности работников, так что нет властного авторитета и нерассуждающего подчинения, а есть общая воля, которая решает,— и участие каждого в выполнении общего дела. Где же работа требует прямого руководства отдельного лица, там вместо авторитета и власти выступает товарищески признаваемая компетентность; и тот, кто в одном деле был инструктором, в другом может сейчас же следовать указаниям товарища, который только что руководил: организатор и исполнитель часто меняются местами. Это кажется «парадоксом современной специализации» тов. Гастеву, который отмечает возможность того, что установщик III типа будет инструктировать токаря II и I типа ¹⁾; но это давно отмеченная в «схемах» черта новейшего сотрудничества.

Исследование трудового коллективизма, действительного принципа пролетарской культуры, велось не на основе «элементарной теории классовой борьбы и теории вооруженного восстания». Оно исходило из трудовой техники машинного производства. В этом сам Гастев только последовал по намеченному до него пути.

В ряде работ было показано, как машина порождает и вынуждает новый тип труда, совмещающий особенности организаторского и исполнительского, как при этом возрастает все более основная однородность труда рабочих и преодолевается раз'единяющая сила специализации, как новые технические условия ведут ко все более широкому нервно-психическому прогрессу рабочей силы, к повышению культурного уровня пролетария. Правда, все это опиралось не на опыт мобилизованной промышленности, его тогда и не было, лет за 15 до мировой войны. Но имелся опыт более, чем векового развития машинного производства в нормальных, мирных условиях; и временная обстановка нескольких лет, созданная разрушительными задачами, не может подорвать сделанных выводов.

Напротив, совершенно неверным следует считать вывод Гастева о неизбежном поглощении I и II рабочего типов, типов арти-

¹⁾ II тип у состава характеризуется разносторонностью подготовки, а I тип артистичностью работы.

стической тонкости и инженерски-разносторонней умелости, обезличенно-механичным III типом. Это — тип только средний, и только для определенного момента, а вовсе не тип нормальный. Совершенно непонятно, почему высшие типы должны «девальвироваться», т.-е. принижаться к нему. Наоборот, прогресс и усложнение машин вместе с культурным ростом работников должны мало-по-малу возвышать этот тип до нового уровня, сливающего технически-артистическое чутье с универсальной технической умелостью. В коллективе связь создается основной однородностью типа, дающей глубокое взаимное понимание; но единица в нем ценна не «безличностью», а, напротив, «индивидуальностью», которая отнюдь не означает индивидуализма, а означает своеобразие личного опыта и способностей, благодаря которому все единицы дополняют друг друга в целом.

Гастев не видит, насколько противоречит обезличенной «нормализованной» механичности та «социальная конструктивность», в которой он справедливо усматривает важную тенденцию пролетарской культуры. Где уж там безлично-механическому исполнителю «впитать в свою психику весь грандиозный монтаж предприятия»!

А между тем для широкой «социальной конструктивности» требуется «впитать» не только этот монтаж отдельного предприятия. И потому наше исследование на нем не остановилось.

Техника отдельного предприятия, как бы оно ни было грандиозно, способна связать воедино только рабочих этого предприятия. Она не может сама по себе дать связь классового пролетарского коллектива, а следовательно и служить исключительной основой пролетарской культуры.

Товарищеское сотрудничество, которое зарождается и углубляется в рамках мастерской, завода, расширяется и выходит из этих рамок в социальной борьбе. Связь общего экономического положения, общих интересов оформляется и развивается дальше в рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, политических, а затем и культурных.

Это надо помнить, а не игнорировать, как делает тов. Гастев, говорящий по этому поводу о «грубой дедуктивности, взятой напрокат из агитационных брошюр». Он слишком «упрощает» и самый вопрос, и свои расчеты с другой стороной.

В его упрощенных схемах есть еще одна сторона, скрытая, но страшно важная. За его коллективом, созданным по образу и подобию отсталых масс, втянутых в индустрию ее мобилизацией, невидимо чувствуются руководящие авторитеты.

В самом деле, способна ли эта масса механизированных безличностей, в головах которой «из края в край гуляют» хотя бы очень «грузные и мощные психологические потоки», — способна ли она — этот III тарифный тип — взять на себя планомерную организацию производства во всей широте и в мировом масштабе? Конечно, нет. Требовать той или иной «нормировки», соглашаться на те или иные нормы, это — да. Но где ей взять художественно-научное творчество и инженерский точный расчет для строительства и прогрессивного развития стройного мирового аппарата, технического и экономического? Эта главная, самая трудная сторона дела планомерной организации — не для нее. Очевидно, это будет даваться откуда-то со стороны. Раскроем скобки: останется социальная группа не обезличенного, полного оригинальности и талантов, ученого и инженерства, которое будет брать на себя инициативу и вести общее руководство над анонимно-стихийным коллективом, при случае считаясь с «замыканиями и размыканиями» гуляющих в нем потоков, но в общем умело их направляя. Это неизбежный вывод, ибо вопрос о сближении, а затем слиянии обоих типов — инженерской и исполнительской рабочей силы — Гастев даже не ставит¹⁾.

Вот что в действительности скрывается за верой в «механизированный» коллектив, за фетишизмом «машин, управляющих людьми».

Итак, попытка Гастева включает в себе глубокие ошибки. Но мы не считаем ее «жизненно-бесплодной», как он любезно характеризует всю нашу работу, и не будем искать в ней «консерватизма восточной философии» (откровенно говоря, и не понимаем, что он под этим разумеет).

¹⁾ Этот вопрос рассматривается в главах о коллективистическом строе трех моих курсов политической экономии «Начальный», «Краткий» и курса, составленного вместе со Степановым (мой, 4-ый выпуск II тома, изд. 2-ое, 1923 г.).

Серьезные искания могут вести и к ошибкам; но даже тогда они не бесплодны, даже тогда помогают выяснению дальнейшего пути.

До сих пор мы имели дело не с такими критиками. Перед нами проходили то «скептические» рассуждения о том, что куда уж бедному, забитому пролетариату строить свою культуру, — хоть бы ему только понять, как следует, свои пятакковые интересы; то иронические замечания о «пролетарской геометрии» со стороны, большей частью, людей не знающих ни геометрии вообще, ни ее социально-исторического развития.

Тов. Гастев суров в своей критике, и, как мы показали, несправедлив. Но он старается исследовать и дать решение вопроса, исходя из положительных основ. Ему повредила недостаток «лабораторной осторожности»; но его попытка все же — материал для дальнейших шагов.

Идея пролетарской культуры не исключает ни критики ни полемики; но и их она делает формой товарищеского сотрудничества. Будем же дальше исследовать и развивать работу!

Пролетарская культура и международный язык.

(Тезисы доклада).

(1919).

1. Если культура есть совокупность организационных методов и форм коллектива, в классовом обществе — классового, и если язык есть основная из организующих социально-идеологических форм, — то пролетарская культура необходимо должна характеризоваться и в области языка своими особыми тенденциями. И если пролетариат развивается в интернациональном направлении, стремится стать международно-классовым коллективом, то он неизбежно должен явиться носителем тенденции к развитию международного языка. Жизненная потребность в этом для него обнаруживается на практике более интенсивно, чем когда-либо для какого-либо другого класса: вся его история доказывает это с жестокой наглядностью.

Область языка вообще отнюдь не является внеклассовой: и лексикой, и стиль речи, и содержание понятий, связанных с одними и теми же словами, у разных классов и теперь уже различны. Но в области языка особенно сильно сказывается подчинение пролетариата культуре старых классов.

2. И в пределах старой культуры экономическое развитие с его расширяющимися в мировые связи товарообмена, порождало ту же международно-организующую тенденцию к единому языку. Но она в сильной степени парализовалась и еще больше маскировалась тенденциями борьбы национальных капиталов, закрепляющей границы между народами, вплоть до искусственной поддержки их лингвистической розни (напр., специальной

очистки немецкого языка от массы заимствованных французских слов).

Однако, монистическая тенденция выступает с большой силой, в виде тысяч взаимных заимствований в лексиконе разных языков, и даже в их грамматическом строении. А знакомство с иностранными языками становится все более постоянным элементом образования.

3. Вполне естественно, что всего ярче монистическая тенденция проявляется в наиболее прогрессивной области социальной жизни—в технической и на основе именно машинного производства, его стремительного развития. Всюду, где создается новая отрасль, вроде автомобильного дела, авиации,—или где новыми приспособлениями глубоко преобразуется старая техника, сразу создается целый комплекс терминов, обозначающих технические элементы и процессы данного производства приблизительно одинаково во всех языках. Также и развитие точных наук, являющихся теперь, по существу, идеологией высшей техники, идет по пути общей терминологии.

В виду основного значения технической области для всей социальной жизни, ясно, что при еще большем ускорении технического прогресса и при устранении враждебных монизму языка тенденций, единый для всего человечества язык создастся с большой быстротой. Но это последнее условие осуществится лишь при коллективистическом строе.

4. Попытки искусственного создания международного языка — волапук, эсперанто, идо и т. п., — с организационной точки зрения представляются наивными, основанными на непонимании жизненной функции речи. Организовать мировое богатство труда и опыта немислимо посредством выдумки, опирающейся на микроскопический опыт нескольких ученых: организующая форма соотносительна материалу, который она организует, и только на основе этого материала в целом она и может исторически выработаться. На каком-нибудь наивно-шаблонном эсперанто немислимо выразить объективно, т. е. общезначимо, бесконечную сложность и разнообразие социальных отношений и переживаний с их оттенками и в их силении.

5. Следует ли из этого, чтобы культурная позиция пролетариата в области языка должна была сводиться к пассивному

ожиданию результатов стихийно идущего развития? Очевидно, нет: здесь, как и в других областях, задача заключается в том, чтобы внести в развитие плановность — выяснивши его тенденции, поддерживать ее и устранять противодействия ей, самым — сознательно идти по линии жизни. Чем это должно выражаться практически? Активным содействием процессу лингвистического объединения, в пролетарско-классовых рамках и соответственно пролетарско-классовым интересам.

6. Конечно, средством для этого в первую очередь служит распространение среди рабочего класса знания иностранных языков. Но оно требует от каждого изучающего затраты огромной энергии, большого количества времени, — а у пролетариата свободный избыток того и другого так мал, что нужна величайшая плановность в организации этой затраты сил, — иначе вместо пользы может получиться большой вред. И необходимо, чтобы работа пролетариата в этом направлении наиболее простым, кратчайшим путем вела к конечной лингвистической цели, в то же время практически, непосредственно усиливая организационную связь мирового пролетариата.

Все это требует решения задачи о переходной форме международного языка.

7. До развития мирового рынка прогресс лингвистической связи между народами шел по типу простой «ингрессии» (целой связи): каждый народ знакомился с языком своих соседей, не интересуясь, вообще говоря, языком более отдаленных наций... Мировой рынок изменил положение: язык, по крайней мере каждой из великих передовых наций, стал до некоторой степени «универсальным», в каждой стране имея своих представителей, и представляя реальный интерес для туземцев каждой страны. Английский, немецкий, французский встречаются на общем мировом поле и в разной мере разливаются в нем. При этих условиях развитие должно идти уже по иному типу — «агрессии»: — т. е., тот язык, который в мировой конкуренции оказывается жизненно сильнее других, должен получить все большее преобладание над ними и становиться международным языком по преимуществу. Это и есть его превращение в ту переходную форму, которая нас интересует, — в естественную базу развития единого языка человечества. Ибо, находясь

в наибольшем соприкосновении со всеми народами, в наибольшем общении со всеми другими языками, он в наибольшей мере и должен впитывать их жизненные элементы, усваивать из них все нужное и полезное для мировой организующей функции, — развиваться наиболее быстро и интенсивно в ее направлении.

8. Культурная задача пролетариата в денной области заключается, следовательно, в том, чтобы объективно установить, какой именно язык исторически предназначен к этой роли, помогать ему, чтобы он овладел ею, воздействуя в то же время на него в таком смысле, чтобы он максимально к ней сам приспособлялся.

9. Ряд объективных данных намечают для этой роли английский язык:

а) Наибольшая распространенность по всему миру: этот язык господствует не только на громадном пространстве Британской империи с колониями и Соед. Штатов, — он также служит, хотя в испорченной форме, языком связи для народов Восточной Азии — Китая, Японии. В частности, на нем говорит и наибольшее количество индустриального пролетариата;

в) Наибольшая синтетичность строения: огромная близость к немецкому, скандинавским и другим германским языкам и по грамматике, и по лексикону; к французскому — по лексикону;

с) Огромная пластичность: быстрое историческое развитие, наибольшая сжатость, простота форм;

д) Исход мировой войны.

Важное препятствие — окаменелый пережиток орфографии (отчасти, кроме того, особенная многозначимость английских слов).

10. Культурно-программные выводы:

а) Борьба вообще против национально-кустарнических тенденций в области языка (особенно, где дело касается мелких или отсталых наций).

в) Пропаганда в пролетариате всех стран, кроме англосаксонских, изучения в первую очередь английского языка. Для пролетариата англосаксов, напротив, рекомендуется ознакомление с разными языками, не исключительно с французским или немецким, как

большей частью теперь бывает (конечно, каждому пролетарию в отдельности очень редко может найтись время изучать больше одного языка).

с) Преобразование — по собственной инициативе пролетариата, не только англо-саксонского, но международного, — варварской орфографии английского языка в рациональную, — быть может, и с некоторыми грамматически-упрощающими реформами.

д) После такого преобразования — объявление этого языка международно-пролетарским; и практически меры отсюда вытекающие.

Параллельно со всем этим должна идти теоретическая разработка вопроса о такой постановке изучения языков, при которой оно не имело бы обычного, механического, одуряющего характера, а являлось изучением, действительно, определенной идеологии, вводящим в жизнь народов и в организационное развитие общества. Уже сейчас многое для такого изучения сделано сравнительной филологией. Но надо специально поставить такую задачу, и по мере ее решения вырабатывать соответственного типа учебники, особенно того же английского языка.

11. Не надо рассчитывать на скорый успех, или хотя бы скорое признание этой программы: национализма окажется достаточно даже в германском пролетариате; а мелкие нации, наоборот, займут реакционную позицию. Но предвидение и планомерность в этой области могут и должны дать пролетарско-культурному движению большой плюс и влияние, хотя бы позже.

Законы новой совести.

Новая культура неизбежно вырабатывает свои руководящие нормы поведения людей. Высшая культура означает высшие нормы. Они исходят из развития высшего коллектива, того, который в нашу эпоху завершает дни своего детства в виде социального класса — пролетариата, и который, достигнув зрелости, объединит и сольет в себе все человечество. Это, конечно, не «заповеди» в старом смысле слова, а нормы целесообразности для коллектива; они выражают условия наибольшей его жизнеспособности, его тенденции к наибольшей организованности, его собственные организационные законы.

Душу исторических коллективов представляют их основные формы сотрудничества. Высший коллектив характеризуется товарищеской связью. Но к этому коллективу, к этой форме связи человечество шло через низшие формы: через стадность зародышевых первобытных общин, через авторитарность ограниченных организованных обществ и через индивидуализм буржуазного мира. Эти ступени запечатлелись в культурных формах прошлого, которые не только сохраняются еще и теперь, но в общем и целом до сих пор господствуют.

Заповеди новой совести являются и отрицанием норм этих низших ступеней, и утверждением высшей формы культуры. Этим определяется логическая цепь их формулировки, отражающая борьбу и смену культур.

Еще одно отличает новые нормы от прежних, — то, что они обращены не только к человеческим единицам, личностям, но и ко всем и всяким частичным организациям высшего коллектива — рабочего класса в его историческом развитии.

Тут нет непогрешимости: ошибаться, нарушать эти нормы может не только каждый отдельный член коллектива, но и самые широкие из его организаций, даже весь пролетариат на том или ином из этапов его боевого и творческого пути. Пролетариат данного момента, это только часть великого коллектива, развертывающегося во времени, только звено в цепи сотрудничества его поколений. И наше нынешнее понимание жизненных его законов тоже, конечно, не окончательное. Но все же оно — истина времени, если его основа действительно охватывает опыт прошлого и настоящего в труде и в мышлении.

1. Не должно быть стадности.

Первобытная стадность была безличным, стереотипным единством людей в их маленьком коллективе. Стадным является и теперь человек, который безлично и пассивно сливается со своим ограниченным, частичным коллективом, подчиняясь его настроениям и мыслям, не стремясь критически и творчески отнестись к ним, поднять их выше, внести в них новое и лучшее.

Стадными и теперь очень часто бывают люди в толпе; самый резкий пример — паника. Стадность в мышлении не так бросается в глаза, как стадность чувства или порыва, — но в жизни имеет еще больше значения. Это — мещанская, и не только мещанская, боязнь «быть не как все» в своем кругу, нарушать его привычки, приличия, моды.

К стадности относится всякое стихийно-пассивное подчинение социальной среде. Так, на войне человек находится в грубом и жестоком окружении, сам вынужден совершать грубые и жестокие дела. Но мерою его стадности может служить то, насколько он при этом сам становится грубым и жестоким, т.-е. насколько начинает выходить в подобных проявлениях из пределов вынужденного, из рамок внешней необходимости.

Стадность толпы, группы, организации порождает борьбу против того, что пытается быть не стадным. Нередко толпа в паническом настроении бешено набрасывается на того, кто ему не поддается и пробует внести сознательность в ее действия, или вообще не идет по ее линии. Случалось также наблюдать у отстающих рабочих, что при забастовке на одной фабрике бастующие не

позволяли никому из своих поступать на другие, работающие фабрики, потому что для стадного сознания это ощущается, как убыль общей силы.

В отрицании стадности коллективизм сходится с индивидуализмом; но мотивы здесь резко различны. Индивидуалист отстаивает против стадности только себя и свое; коллективист же стремится к возвышению и совершенствованию своего коллектива, и отстаивает свое не как свое, но как лучшее, и не для того, чтобы обособиться от коллектива, но чтобы дать ему это лучшее, и на такой основе удержать и развить свое единство с коллективом. Безличное существо — не истинный член коллектива, член его только тот, кто дает ему нечто свое, большое или малое, но лично и свободно осознанное, и потому неизбежно иное, чем то, что дают другие. Стадная единица ничего не прибавляет к коллективу, кроме своей механической силы, и при этом увеличивает его инерцию. А это может быть полезно, пока движение целого идет по установившейся, прямой линии, — но неизбежно вредно в наиболее важные моменты движения, на его исторических поворотах.

Стадность — это стихийный зародыш коллективизма, она несовместима с его высшею, осознанною формою.

II. Не должно быть рабства.

Рабство, авторитарность заключается в слепом подчинении высшей индивидуальности или в требовании такого подчинения. Вопрос об этом рабстве, не внешнем, а внутреннем, есть вопрос об отношении рядовых членов коллектива к вождям и вождей к ним.

Необходимость единства, решительности и быстроты в коллективном действии, в боях социальной борьбы, ведет к тому, что массы часто должны по доверию следовать за своими вождями, не имея времени контролировать, да же не осознать их директивы. Но в каждом данном случае это должно быть только доверием к испытанной компетентности, не превращаясь в преклонение перед авторитетом; оно требует последующего осознания и проверки; только тогда оно может сохра-

нить характер товарищеского отношения, свободного от рабско-авторитарных элементов.

Из этого ясно, что подчинение по доверию допустимо вообще только в сфере действия, но не в области мысли. В выработке идей и в их усвоении время всегда есть. И тот, кто здесь слепо идет за высшей индивидуальностью, тот по существу не отличается от религиозных последователей любого из пророков прошлого.

Раб тот, кто отдает человеку или частице коллектива то, что принадлежит всему великому коллективу — свою волю и разум. Борцом за рабство является человек или организация, которые требуют, или хотя бы допускают, такое отношение к себе. Товарищество тогда превращается в пустое слово.

В борьбе против авторитарности коллективист сходится с индивидуалистом. Но глубоко различны мотивы, различен весь смысл и результаты этой борьбы. Индивидуалист идет против порабощения личности, отстаивая себя и свое, и признавая за другими право такого же отстаивания; но он проникнут духом конкуренции, войны всех против всех; его цель — личная победа, а ее достижение само ведет к порабощению других, — тогда он сам легко превращается во власть и в авторитет для побежденных. Так исторически превращалась буржуазия из борца за свободу в капиталистического порабощателя. Такой путь и исход совершенно невозможны для того, кто против авторитета и рабства отстаивает, не себя и свое, а свободу и творчество великого коллектива.

Сила авторитарности в том, что она организует; в этом она даже выше индивидуализма. Но ее организованность в основе своей еще стадна; а возможность развития вся сосредоточивается в высшей личности или господствующей группе. База развития узка и не способна к расширению; а развитие жизни рано или поздно требует его, и тогда рамки рабства — авторитарности должны быть разорваны, или становятся мертвыми оковами для жизни.

Новая культура означает неограниченное расширение базы развития, воплощенной в неограниченно развертывающемся коллективе.

III. Не должно быть субъективизма, ни личного, ни группового.

Субъективизм личный, это индивидуализм; групповой — это

кружковщина, цеховая узость, профессионализм, патриотизм, национализм,—всякое замещение великого коллектива, как центра интересов и мысли, како-нибудь его исторически данною частицею. Все формы субъективизма ведут его к разрозненности и борьбе, самые широкие, такие как национализм — к наиболее жестокой и разрушительной. Здесь и узость развития, и растрата сил коллектива в анархических столкновениях.

Для рабочего класса вопрос о преодолении всех форм такого субъективизма в своей среде есть вопрос о превращении в действительный коллектив. Индивидуализм его разрознивает, а часто и отнимает ценные силы, когда одаренные и энергичные пролетарии, одерживая личные победы в жизни, подчиняются своей карьере и отрываются от своего класса. Групповая узость вводила и продолжает вводить обширные отряды пролетариата в ошибки при выборе линий исторического пути, в долгие блуждания с бесплодной растратой сил. Профессиональная ограниченность породила трэдунионизм с его мелкими идеалами и духом компромисса; она же не раз в тяжелые эпохи революционной борьбы побуждала целые группы и сильные организации пролетариата ради своих временных интересов изменять целому, жертвовать его единством и его великими задачами. В наше время квалифицированные верхи западного пролетариата, более счастливые, имевшие доступ ко многим благам буржуазной культуры, оторвались от обездоленных низов и, подчиняясь буржуазному способу понимания своих интересов, принизили знамя своей борьбы. От этого сила пролетариата разбилась надвое, и часто расхождением двух частей сводится к ничтожеству.

Со всем этим должна бороться новая культура, и все это она будет преодолевать по мере того, как жизнь будет направлять рабочий класс по ее пути.

IV. Не должно быть готтентотства.

Готтентотство — условное обозначение, повод для которого подала характеристика добра и зла, высказанная, будто бы, одним готтентотом: «добро, когда я краду; зло, когда у меня украдут». Такое применение противоположных критериев для себя и для других бесконечно распространено в нашу эпоху. Всего ярче оно

выступает в оценках событий войны и всякой обостренной борьбы на каждом шагу одинаковые действия со стороны противника клеймятся позором, со стороны своих рассматриваются, как вполне естественные или восхваляются; так было с истреблением пленных и другими военными жестокостями; Версальский же мир — грандиознейший памятник цивилизованного готтентотства.

Острота классовой борьбы легко создает уклон к готтентотству и среди мало сознательных элементов пролетариата, и среди тех его идеологов, которые наиболее пропитаны духом старой культуры. Готтентотство практических оценок часто дополняется готтентотством мышления, когда в критике и полемике к другой стороне предъявляются требования, которых к своей заведомо не относят, напр., в том, что касается умственного консерватизма, односторонности, рабско-религиозного следования авторитетам. Существует даже наивно-теоретическое оправдание готтентотства, наиболее обычное у профессионалов политики: «мы отстаиваем наши интересы, и должны оправдывать все, что им соответствует, отрицать и порицать все, что им вредит; никакого беспристрастия тут быть не может, — оно было бы выгодно только для врагов, которые, ведь, не станут платить таким же беспристрастием». Ошибка заключается здесь в старом, буржуазном понимании «своих интересов», как некоторой непосредственной выгоды, материальной, политической, идеологической, получаемой личностью или данным ограниченным коллективом, хотя бы даже классовым, но взятым не в его развитии, а только в данный момент. Сила классового сознания в его цельности и неуклонной последовательности, они для пролетариата имеют то же значение в борьбе и творчестве, что «дух армии» в войне, они выражают всечеловеческую тенденцию пролетариата к преодолению классов, они — высший интерес, который не должен никогда нарушаться ради частных и низших. В действиях пролетариат должен на удары отвечать ударами, в оценках, в логике он должен быть объективен, завоевывая тем право быть представителем человечества как целого. Солдатская же логика принижает его до уровня враждебных ему групп и классов, подрывая в нем силу идеализма.

Готтентотство — производное стадности, для которой целое — только свой ограниченный коллектив, и группового субъективизма.

который целого вообще не видит. Высшая культура должна все это преодолеть.

V. Не должно быть абсолютных норм.

Высшая культура — посетительница об'ективного в руководстве практикой и мышлением. Но об'ективные нормы не абсолютны: они выражают жизнь развивающегося через борьбу и творчество коллектива; а развитие, борьба, творчество не могут быть закованы в абсолютные формулы. Принимая исторически-об'ективное — истину времени — за над'исторически-абсолютное или вечную истину, многие идеологи становились на путь застоя и реакции. Высшая культура — не мертвая, неизменная оболочка, а живая одежда растущей жизни.

VI. Не должно быть инертности.

Стадность, рабство, групповая ограниченность неизбежно тяготеют к остановке движения. Движение вперед совершается не по гладким путям, творчество не только радостно, но и болезненно, как роды. Стадности недоступно новое и высшее; рабство, авторитарность враждебны ему, потому что оно нарушает тяжело достигнутую и с трудом сохраняемую гармонию, угрожает устойчивости самого центра этой гармонии — авторитета; групповой субъективизм, опираясь на узкую базу развития, держится за ее рамки и борется против их расширения.

Трудно учиться, еще труднее переучиваться. Оттого высокая культурность очень часто становится препятствием для прогресса культуры. Устойчивое безумие английской орфографии зависит оттого, что каждое взрослое, вошедшее в активную жизнь поколение уже оказывается хорошо обучено этой трудной грамоте, за тратило на нее массу сил, а всякое упрощение пужно еще усваивать, с ломкой сложившегося знания и навыка, с новой тратой энергии. Так и квалифицированные верхи нынешнего пролетариата на Западе, хорошо усвоившие немало из буржуазной культуры, с ее духом конкуренции и компромисса, проявляют много стихийной инертности по отношению к революционным урокам, которые дает им история.

Еще глубже стихийно-бытовой консерватизм отсталых слоев пролетариата, который и в более революционных его низах связывается нередко, и может быть, еще сильнее. Оплотом этого консерватизма служит особенно семья, где так упорно держится рабство — авторитарность, произвол грубой силы.

Буржуазный мир преодолевал инертность человечества в технике, в экономике, в науках суровостью своей борьбы, беспопачностью к отсталым. Новая культура ведет на другой путь преодоления — через победу над разрозненностью, через дружное товарищеское объединение усилий во всепобеждающий поток творческого труда.

VII. Не должна нарушаться чистота целей

Революционный пролетарий, сознательный социалист смотрит в будущее; но очень большая доля его души принадлежит прошлому. Сопровождая работника на пути его великой борьбы, это прошлое постоянно предъявляет свои права, и где ему удастся — загрохныет великие цели чуждыми им, мелкими мотивами.

Здесь типичны две группы мотивов — импульсы выгоды и мести. Те и другие обычно приспособляются, как бы переоделяются в костюм идеальных целей, порождая своеобразный самообман, где низкое выдается за проявление высшего.

Активный борец выдвигается на видные позиции — допустим, в депутаты парламента. Это дает ему обеспеченность, досуг, почет. Это может быть очень хорошо и нужно для дела; но дух старого мира легко тут находит дорогу для переодетых мотивов выгоды. Человек убеждает себя, что именно на такой работе, и ни на какой иной, он может приносить наибольшую пользу, что именно парламент — лучшее орудие революционной борьбы и т. под. Происходит отрыв от прямой массовой борьбы, развиваются парламентские иллюзии. — Аналогичным путем шло бюрократическое вырождение секретарей английских и немецких профсоюзов, торгашеское вырождение бельгийских и иных кооперативов: мелким заволакивалось великое.

Труднее прослеживаются превращения мотивов мести. В непрямой классовой борьбе жестокие, истребительные действия могут быть объективно необходимы. Вряд ли можно сомневаться,

что нерасчетливое великодушие победившего народа по отношению к его врагам, такое как во французских революциях 1830 и 1848 годов, только сберегало силы этих врагов и побуждало их в моменты, когда победа переходила к ним, тем более жестоко расправляться с этим народом — в июньские дни 1848 г., при подавлении Коммуны... Но надо, помнить, что всякое об'ективно лишнее истребление и разрушение, всякая ненужная жестокость преступны по отношению к человечеству, деморализуют коллектив и уменьшают энергию, которой он может располагать в дальнейшей борьбе и в труде. Сколько обманутых, сражавшихся за реакцию, стали потом драгоценными солдатами революции, сколько техников и ученых, сначала враждебных ей, стали потом незаменимо-полезными работниками в ее строительстве! И насколько лучше овладевать дворцами для народа, чем их разорять. Член великого коллектива не должен уподобляться жалким дикарям-погромщикам, опустошающим завоеванную страну — свое достоинство. Но слишком легко сладкая месть за свои пережитые страдания одевается в костюм «необходимой жестокости», — нужно большое внимание к своим целям и мотивам, даже для крупных и высоко-сознательных работников, чтобы избегнуть преступных ошибок этого типа.

Преобразованную форму мести представляет ренегатство. Честно переменивший убеждения, конечно, не ренегат; это имя относится к тем, кто после перемены убеждений злобствует против своих вчерашних друзей, специально и с особенной охотой берет на себя их преследование. Современная психология выясняет, что в этом скрыта перенесенная на других месть за свои собственные ошибки. Ренегатство грязнит человека и унижает коллектив.

Не столь грязна, разумеется, но тоже вредна и неразумна подобная месть, направленная на себя самого, — то, что называется «раскаянием» или «угрызениями совести». Это бесплодная растрата психических сил, нужных для работы. Осознанная ошибка должна вести только к изменению линии действий: если ее вред можно исправить, хорошо; если нет — надо возместить его полезными усилиями в других направлениях.

Коллектив живет будущим, а не прошлым. И в живое будущее, а не в мертвое прошлое должен быть устремлен взгляд работника.

VIII. Всеовладение — величайшая цель.

В своем развитии, в борьбе и труде коллектив организует мир: в этом смысл его пути. Всем должен он владеть, все своей силою связать в гармоническое целое. Отсюда — уважение к труду, живому и мертвому, постоянная забота о росте его энергии, о расширении его поля. Беречь для коллектива силы и время каждого со-работника, и свои также, овладевать для него продуктами прошлого труда, хранить и на пользу ему их тратить, искать для него новых путей, новых источников энергии, вперед и вперед нести его знамя в борьбе со стихиями — это заповеди силы коллектива и воли к его победе.

IX. Всепонимание — высший идеал новой советской жизни.

Это — самое глубокое выражение того же процесса всеовладения, его интимный момент. Оно имеет начало во взаимном понимании сотрудников, на котором основывается сплоченность и стройность коллектива, самая возможность гармонического сочетания усилий в одно целое. Понимание это было полным, но стихийным, в эпоху первичной стадности, стало неполным в периоды авторитарной и анархической связи людей, когда оно поддается неравенству, разрозненностью, противоречиями взаимной борьбы. Оно должно стать вновь полным, но уже осознанным взаимопониманием сотрудников товарищеского коллектива, постоянно углубляющимся единением в области воли, ума и чувства. Это душа коллектива, его общее сознание. Эту связь в ее развитии лишь слабо и неполно могут выразить слова об уважении к сотруднику, заботе о нем, любви...

Но понимание должно идти, и с самого начала шло, дальше и шире. Проникая в жизнь других существ, овладевая их слабой психикой, оно дало людям возможность приобрести полезных союзников, скромных, но верных друзей среди природы. Где было бы теперь человечество без той поддержки, которую оказали ему в охотничьей фазе собака, в кочевой и земледельческой лошадь, корова? По этой линии прогресс понимания теперь замедлился, — но неизбежно должен ускориться в дальнейшем развёртывании.

Только истинное понимание внутренней жизни всего живого даст людям полное овладение тайнами жизненной организации, в которых ключ и к полному самопознанию человечества.

А границы между живым и не-живым уже разрываются. Настанет время, когда интимное бытие того и другого раскроется для человечества. Тогда ничто в природе не будет ему чуждым, — нити коллективной воли и мысли свяжут во-едино весь мир.

Х. Гордость Коллектива — верховный стимул воли и мысли работника.

В авторитарные времена гордость служения «Высшей Воле» веда пророков к чудесам героизма и мученичества. В опустошенном от богов индивидуалистическом мире ее сменила гордость служения «Истине» и «Долгу». Под этими масками скрывались жизненные устремления коллективов.

В растущем великом коллективе все осознается — срываются маски божества и отвлеченной идеи, нет больше преклонения, нет служения. Самосознание работника есть сознание себя живым звеном великого всепобеждающего целого. Это — гордость Коллектива, которою должны быть проникнуты каждый шаг, каждая мысль работника, гордость, которая должна быть его неизменной опорой и верховным контролем. Она отвратит его от всего мелкого и пошлого, от всего, что недостойно творческой миссии человека. Это — надежная магнитная стрелка, прямо направляющая работника на путь к высшему.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От издательства	6
От автора	10
Новый Мир	12
I. Собираание человека	13
II. Цели и нормы жизни	37
III. Проклятые вопросы философии	77
Социализм в настоящем	94
1918	100
Возможно ли пролетарское искусство	104
Пролетариат и искусство	117
Что такое пролетарская поэзия	125
О художественном наследстве	142
Критика пролетарского искусства	158
Простота или утонченность	175
Пути пролетарского творчества	192
Наука и рабочий класс	200
Наука и пролетариат	222
- Идеал воспитания	231
- Пролетарский университет	238
- О провинциальных пролетарских университетах	263
Методы труда и методы познания	270
Тайна науки	289
О тенденциях пролетарской культуры	315
Пролетарская культура и международный язык	328
Закон новой совести	333

238952

